

JAROSŁAW J. GRZĘDOWICZ

PAN LODOWEGO
OGRODU

TOM 3

ЯРОСЛАВ ГЖЕНДОВИЧ

ВЛАДЫКА
ЛЕДЯНОГО САДА
НОСИТЕЛЬ СУДЬБЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)
Г45

Серия «Шедевры фэнтези»

Jarosław J. Grzędowicz
Pan Lodowego Ogrodu. Том 3

Публикуется с разрешения автора и при содействии
Владимира Аренева и Сергея Легезы
Перевод с польского: *Сергей Легеза*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Подписано в печать 10.08.2018.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© 2009 by Jarosław J. Grzędowicz
© Сергей Легеза, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ГЛАВА 1

ГОРЯЧИЙ ЛЕД

Кого это мчат
Ревиля кони
по высоким валам,
по бурному морю?
Паруса кони
пенной покрыты,
морских скакунов
ветер не сдержит (...)

Это с Сигурдом мы
на деревьях моря;
ветер попутный
и нам, и смерти;
волны встают
выше бортов,
ныряют ладьи;
кто нас окликнул?¹

«*Reginmál*» —
«Речи Регина»

Я дрейфую на льдине.
На неустойчивом куске теплого льда, обросшем
странными формами, что некогда были шпангоу-
тами и бортом странного ледяного драккара. Формы
и предметы поднимаются вокруг моего трясущегося,

¹ Переводы стихов из «Старшей Эдды» даны в переводе А. И. Корсуна.

заливаемого ледяной и соленой водой тела, словно кривые клинки сабель, словно фрагменты стеклянного скелета; они все в овальных дырах, кружевных орнаментах, что лишь увеличиваются по мере того, как тает корабль. Тает посреди моря. В нескольких сотнях километров от ближайшей земли, среди яростно рычащих волн зимнего шторма, настоящих водяных гор, встающих на несколько метров, увенчанных дымящимися белыми шапками пены.

Я один.

Один над зеленой, гулкой бездной, один посреди ледяной штормовой кипени моря. Один в соленом вихре, что лупит в жесткую, покрытую скорлупой соли одежду. Вокруг меня встают ажурные прозрачные клыки того, что нельзя до конца назвать льдом, но который все же тает. Растворяется в море, будто ледышка, брошенная в тепловатый виски. Слишком далеко от суши. Решение быстрое, элегантно и ловкое. Простейшее из возможных. Без воплей, молний и заклинаний. Придуманное кем-то, кто умнее ван Дикена. Еще миг — и лед превратится в кучу бесформенных обломков, а мое трясущееся замерзшее тело соскользнет в ледяную воду, станет песчинкой, что еще лишь минуту проплывет среди гремящих водяных гор. Две минуты до гипотермии, а потом последний путь вниз, в холодную соленую темноту бездны, куда отбыли уже все остальные, те, кто мне доверился. Конвульсивные попытки дышать под водой во тьме, отчаянно давясь тяжелой ледяной солянкой. Остался только я. Я один.

И я дрейфую на льду.

А потом открываю глаза.

С судорожным вздохом, отчаянно даваясь воздухом, хватая его большими глотками, словно он — тяжелая ледяная вода, резко сажусь среди жестких толстых мехов.

Этот кошмар не дает мне покоя с той минуты, как я поднялся на борт ледяного драккара. С той минуты, как позволил взойти на него остальным. Словно кретин. Словно последний дурак, я позволил им сделать то, что хотят. А теперь мы медленно плывем фьордом Драгорины, подталкиваемые неясной силой, вода расступается перед носом и плещет за кормой. У драккара нет парусов, нет никакого видимого двигателя, он идет себе, куда пожелает.

Он приплыл за мной. Двое местных до меня подошли к боту и просто пали замороженными.

А когда мы отправлялись и я взошел на борт вслед за остальными, ледяной трап просто растаял. Начал истончаться и делаться прозрачным, покрылся овальными дырами, распался среди ручейков стекающей в озеро воды. Как в моем кошмаре.

А корабль поплыл.

И теперь обратного пути нет. Не знаю, смогу ли сойти с палубы, когда в драккаре находятся другие люди. Не заморозит ли корабль их тогда? Не превратит ли каждого в лиофилизированную ледяную скорлупу? Или он просто утопит нас посреди моря, как в моем коротком нервном сне?

Трап растаял быстро, будто только и ждал, пока я войду во тьму трюма. Не было времени раздумывать: может быть, стоит втащить одну из рыбацких лодок Людей Огня и попытаться привязать ее за кормой; не было времени ни на что. Он забрал нас, как поезд. Тот

багаж, который мои люди собирались загрузить, просто остался на берегу, между бегущих людей.

И теперь мы плывем. Корабль дураков. Ледяной корабль дураков.

Я заснул в трюме. Среди стекловидных стен, шпангоутов и блестящих ледяных бортов, которые не совсем прозрачны: пропускают немного света, словно очень толстый синеватый хрусталь. Я хотел куда-нибудь спрятаться на миг и подумать. Выдавить из себя какое-то решение, а вместо этого впал в раздражающую регенерационную дрему, похожую на летаргию.

Это цена за контролируемую ярость берсерка, в которую я приказал Цифраль ввести себя всего пару дней назад. За дополнительную скорость во время битвы, за весь стресс и страх, замеченные под ковер, растыканные по углам на потом, чтобы не мешали работе. А сейчас пришло время платить. Поэтому дрожь, приступы летаргии, боль в наполненных молочной кислотой мышцах, кровотечения из носа. Ничего не бывает даром.

Я должен проверить, возможно ли как-то влиять на курс корабля. Или хотя бы возможно ли им управлять.

Мы плывем небыстро, полагаю, удалось бы неким образом передать весточку Атлейфу. Пусть с несколькими людьми догнал бы нас небольшой лодкой, а потом вернулся по суше.

Я встаю с кипы свернутых мехов и иду в трюм, ведя пальцами по стекловидным стенам. Они не холодные. На ощупь напоминают материал: твердый, но податливый. Я прикладываю ладонь к вогнутой стене и жду. Лед под кожей не меняет температуры, ладонь моя не становится влажной.

Борт под воздействием моего тепла не тает.

Гладкая поверхность чуть просвечивает, за ней едва заметно маячат части конструкции. Я упираюсь лбом в стену и вижу внутри дугу шпангоута. Солидного, слитыми, сглаженными контурами; словно он отчасти биологического происхождения, но конструктивно он, шпангоут, совершенен. В разрезе напоминает двутавр, внутренняя поверхность его ажурна, покрыта крохотными отверстиями, как в самолете. Там, где нужно, стеклоидный материал обрастает усилениями, утопленными в соседних элементах.

Поверхность, по которой я иду, покрыта сложным выпуклым узором, что повторяется на ступенях трапа и на каждой плоской поверхности, на которой можно стоять. Этот узор делает пол не скользким: он позволяет уверенно ходить даже в мокрой обуви и не обращая внимания на кривизну.

Я некоторое время ощупываю плиты пола и замечаю абрис панели. Большой, два на три метра. Отодвигаю небрежно брошенные вещи; не открываю всю плиту целиком, но с каждой ее стороны нахожу по два отверстия, куда можно засунуть пальцы. Панель довольно тяжела, словно ледяная плита. Но я приподнимаю ее с одной стороны и заглядываю под палубу. Вижу сходящиеся внизу, в зеленоватом сумраке, шпангоуты, солидный киль, похожий на уплощенный хребет, что тянется к носу, и толстую плиту борта, за которым переливается морская глубина. Там, на дне фьорда, смутно маячат скалы и темные формы — возможно, затопленные деревья. Я вижу какие-то каналы вдоль киля, по которым течет густая, словно нефть, жидкость, синяя или флуоресцентно-зеленая; похожие каналы, потолще и

потоньше, замечаю внутри борта, в шпангоутах и по всему каркасу.

Я опускаю на место узорчатую решетку и иду дальше по трюму.

Свободное пространство сужается, вдоль борта вспучиваются продолговатые, яйцевидной формы, предметы, похожие на стеклянные осиные гнезда; некоторые из них лежат плоско, будто саркофаги. Веретенообразные встают, глубоко воткнутые острым концом в углубления палубы, будто древнегреческие пифосы, вот только сделанные не из обожженной красной глины, но из того же стекловидного псевдольда, что и все здесь. В них — метра полтора высоты. По бокам углубления, перечеркнутые валками ухватов. Наверное.

Я берусь за два ухвата по бокам сосуда и пытаюсь сдвинуть тот с места, но он либо жутко тяжелый, либо насмерть прикреплен к палубе. Ниже, где-то в полуметре над решеткой, у каждого сосуда есть овальное углубление, как летка в улье. Я неуверенно сую туда ладонь, вогнутая стенка отодвигается назад, и на руку мою течет сильный, холодный поток жидкости. Я резко отдергиваю руку, поток иссякает, лужа под моими ногами просачивается под палубу сквозь мелкие отверстия гретинга, и я слышу, как хлюпает где-то внизу. Осторожно нюхаю руку, протираю мокрыми пальцами открытый участок кожи на сгибе локтя. Не чувствую ничего, кроме влаги. Потом прикасаюсь губами, а через какое-то время и кончиком языка.

Это вода. Холодная пресная вода.

Я по очереди проверяю остальные кувшины, расставленные вдоль стен. Отверстие над полом действует как дозатор в бутылках с минеральной водой. Если

вталкиваю дверку внутрь — течет вода, а внутри пифоса слышно бульканье. Хорошо.

По-крайней мере вода у нас есть. *Jupi du*. Аллилуйя.

Я всаживаю внутрь свою металлическую кружку, слушаю бульканье жизнедавной жидкости, которая может оказаться не слишком-то и жизнедавной, отпиваю небольшой глоток. Миг-другой держу воду во рту, но не чувствую никакой подозрительной горечи, никакого привкуса горького миндаля; глотаю. А потом жду три минуты с болезненно лупящим под ребра сердцем. Не чувствую судорог желудка, ледяного холода в венах, не слепну и не задыхаюсь в агонии центральной нервной системы с легкими, полными воздуха, как было бы, атакуй цианид мою нервную ткань. Не взрываются у меня глаза, я не превращаюсь в камбалу.

Естественно, это глупость, но, с другой стороны, ведь эту воду придется пить. А отравить питье было бы еще более простым и элегантным решением, чем драккар, что тает в открытом море. Однако ничего не происходит, а я чувствую облегчение.

Какое-то время я вожусь с торчащими вдоль борта саркофагами, но безрезультатно. Кажется, верхняя их часть не монолитно сопряжена с остальным массивом, но снять ее мне не удастся. Я подцепляю край ножом, тяну вверх, дергаю во все стороны, но это ничего не дает. Саркофаг как коробка, защищенная от детей; но как ее открыть, не знают и взрослые. Пригодился бы пятилетний шалун, который небось распечатал бы саркофаг в две минуты.

Посредине каждой крышки, у края, расположен орнамент из двух треугольников. Вершина одного упирается в основание второго — как стилизованная елочка,

но всего из двух деталей. Я смотрю на орнамент, поскольку что-то меня здесь сбивает, он слишком прост, слишком техничен по сравнению с псевдороманскими украшениями, что вьются повсюду. Это не дает мне покоя.

А потом я вспоминаю. Я видел такие символы, только расположенные горизонтально, в детстве, когда панели, управляющие плеерами или мультимедийными программами, напоминали старое, еще механическое оборудование. *Fast forward* или *rewind*. Знак из времен, когда звук записывался на магнитной ленте.

Я тыкаю ладонью в край плиты сразу под символом, и тогда она легко уступает, раздастся треск, а потом крышка мягко отходит в сторону. Итак. Слив, как в автоматах с напитками, символ FF на ящике; тот, кто не родился на Земле, будет иметь серьезные проблемы с тем, чтобы добраться к содержимому этих вместилищ. Изнутри саркофага пышет холодом, оттуда вырывается пар, но там не столько суровый мороз, сколько холод. Я смотрю на пучки жестких, пахнущих копченостями пластов сушеной рыбы, на глиняные кувшины, наполненные мукой или странными зёрнами, похожими на сухую фасоль, на полоски сушеного мяса, на закрытые банки залитого жиром мяса, на черные от дыма колбаски, старательно перевязанные шнурком.

Припасы. Как же мило.

Причем — в холодильнике.

Я тяну крышку на себя, она въезжает на место со щелчком, и саркофаг снова становится монолитом.

Трюм делит на части полупрозрачная стена, в которой движутся невнятные гибкие формы. Я прижимаю лицо к ледяной поверхности и вижу, что в зеленой

жидкости маячат живые создания, словно адские угри. Они длинные, мясистые, с мерзкими зубастыми мордами глубинных тварей, со встопорщенными колючими плавниками. Выглядят как помесь дракона с муреной. Вдоль их боков помигивают маленькие точки, зеленые и синие. Рыбы. С человеческими, жуткими глазами с заметным белком и круглыми зеницами, окруженными золотыми радужками.

Запасы? Аквариум? Поверхность ледяной стены не идеальна; если смотреть прямо, то плывущие змеиными движениями тела видно очень отчетливо, но под углом они превращаются в туманные, невыразительные формы. Я хочу знать, что дальше, я ведь еще не дошел и до середины драккара, и до носа осталось добрых десять метров.

Я ощупываю холодную стену, рыбы с другой стороны напротив моих ладоней распластывают об лед колючие присоски. Рыбы. Скажем так. Вроде-как-рыбы. Конвергентные соответствия.

Я догадываюсь, что если есть проход, то он должен находиться посередине. Так велит логика. Но, несмотря на это, ничего не видно.

После долгого ощупывания я все же нахожу в зеленоватом полумраке трюма очередной выпуклый значок. Это «плюс». Или греческий крест. Чуть дальше — круг с точкой внутри. Они находятся в полутора метрах друг от друга, на одной и той же высоте. Еще одна головоломка? Крест... Аптечка? А круг с точкой? Солнце? Я отхожу на пару шагов, но умнее от этого не становлюсь. Земной символ. Греческий крест и круг с точкой. Что-то настолько же простое, как и FF на холодильнике. Что-то, связанное с открыванием дверей?

Двери служат для того, чтобы войти или выйти.

Я должен сыграть в «крестики-нолики»?

Давлю рукой то на один из символов, то на другой, кажется, они поддаются, но, возможно, мне только кажется.

Войти или выйти.

Символ. Нет ни одного графического символа, связанного с дверью.

Есть только надписи: «толкать» или «тянуть», *push* или *pull*.

И тогда на меня снисходит озарение. Вектор. Когда его обозначают в двух измерениях, он отрезок со стрелкой. Но если в трехмерном мире, то, когда он направлен от нас, становится крестиком, символизирующим оперение стрелы, когда же он смотрит на нас — он круг с точкой, потому что символизирует наконечник. Об этом мог помнить только тот, кто учился, используя бумагу. Уже многие годы трехмерное пространство для школьников — просто трехмерное. Виртуальное.

Я кладу одну ладонь на «плюс», а вторую — на круг и нажимаю обеими сразу. «Плюс» поддается и входит внутрь, но не круг. Пытаюсь потянуть его на себя, но пальцы скользят по стене. Я отвожу ладонь, и тогда короткий валик льда выдвигается навстречу ладони.

Слышен скрип гладких поверхностей, и загородка отходит в сторону. Есть проход.

Не слишком удобный. Как тут пройти человеку, который что-то несет?

Я вхожу в зеленую, переливчатую темень, машинально ощупываю стену рядом со входом, будто надеюсь найти выключатель. И натываюсь на небольшую выпуклость, похожую на приклеенное к стене блюдце.

Глажу его, словно оно — девичья грудь, ищу торчащую кнопку, но ничего не нахожу. Вжимаю блюдце в стену, щипаю — все без толку. Наконец признаю себя проигравшим и луплю по нему кулаком.

Раздается глубокий, вибрирующий звук, и по запертой в стене жидкости вроде-как-аквариума идут круги, как по поверхности пруда, куда бросаешь камень. Вот только волны расходятся в вертикальной плоскости. Угреподобные существа прынули во все стороны и внезапно налились резким зеленоватым и голубым светом.

Я включил свет.

Поздравления. Вы переходите к следующему этапу.

Я отстегиваю ножны с мечом и кладу в направляющие, блокируя дверь. Некогда подобным образом решили казнить одного самурая. Трон суверена поставили на таком расстоянии, чтобы гостю пришлось встать на колени и поклониться точно в раздвижных дверях. Когда его выбритая башка, увенчанная коком, оказалась между створками, слуги должны были захлопнуть их, но ловкач склонился, положив меч в направляющие желоба, и ничего не получилось.

Эдакий вопрос из кроссворда — а погляди-ка, пригодился.

Это помещение по центру пересекает толстый, лоснящийся столб, будто ствол дерева. Втыкается в потолок и уходит под палубу, вырастает в киль. Продолжение мачты. Очень солидное, вцепившееся в палубу по всем сторонам выростами, что выглядят корнями старого дуба. По обе стороны от столба тянется длинный, сверкающий стол, сбоку от которого стоят лавки. Колонна пронзает стол примерно посредине. Кают-компания.

У нас есть кают-компания.

